

Светлана Тысячная

СТРАХИ И ЧАЯНИЯ г-на БЕЛИКОВА

(два монолога – не дуэт)

(по мотивам рассказа А.П.Чехова «Человек в футляре», с использованием цитат из «Трудов и дней» древнегреческого поэта Гесиода и лирики Архилоха)

Действующие лица:

Г-н Беликов – учитель древнегреческого языка в гимназии

Варенька – незамужняя сестра учителя географии Коваленко

Акт 1

Небольшая, уютная, но тщательно прибранная комната. Стол посередине. Г-н Беликов, учитель древнегреческого, за вечерним чаем.

Беликов:... Как она, бывало, баловала меня. Орешков калёных налушит, яблочки испечёт в меду... Вку-у-у-сно... Но больше в строгости держала. В строгости. И сестру, Глашу, царствие ей небесное. Отрочицей померла. Инфлюэнца эта несчастная приключилась. А может оно и к лучшему. Попробуй пристрой с нищенским приданым. ...взять, что ли, ещё кусочек сахару... чай-то больно горек... сказать Афанасию... и калоши опять не помыл... и веник бросает, где ни попадя. У маменьки я уж давно бы в углу на горохе коленки мял, за дела-то за такие. У маменьки, царствие ей небесное, такой порядок заведен был... отменный порядок. И елеем всегда пахло в доме, ровно в церкви. И часы тикали. *(Вынимает из футляра карманные часы.)* Люблю сие творение рук человеческих. Тут тебе и порядок, и размеренность. Польза. Вот где ум воссиял. Вот ведь сразу видно: образованным человеком сработано. Заграничная штука. И знал, небось, чародей, науки разные, и языкам был обучен. А как же без языков? Вот тебе греческий: АНАХОРЕТ. Благолепие. Благородство. Непостижимо. Номинативус, генитивус, дативус, аккузативус... А вчера был в семье преподавателя естественных наук Перепелова, так ведь чай с лимоном кушают, а греческого никто не знает.

Страху в людях нету. Мало страху. Забыли страх. Раньше ведь как бывало? Кто к тебе повыше рангом или постарше возрастом подойдёт, у тебя уж и коленки подогнулись, и мурашки по спине побежали. Стоишь нем, как рыба. Ловишь каждое слово, каждое движение в его высокопоставленном лице. Боишься лишней вздох допустить. А как формуляры изучали? Бывало ночь напролёт не спишь и всё читаешь, всё зубришь по пунктикам, чтобы чего-то там не запамятовать. А нынче. Придешь в иной дом, а там молодёжь на фортепьянах бренчит, или, того лучше, - по саду в горелки бегают. И никто не возбранит, не остановит. И всё перечат, что им не скажи – всё перечат. Баловство. Сплошь баловство. Вот из баловства разбои-то да революции всякие и выходят.

Вчера в церкви едва зонга не лишился. Всё какие-то оборванцы тёрлись рядом. Вот уж сволочи развелось, прости Господи, не знаешь, что скорее держать - зонг ли, кошелёк, часы... на ходу подмётки рвут. Третьего дня купчишко этот плюгавый у иконы Божьей матери Скоропослушницы так толкнул, что я едва на ногах устоял, а после ещё на ногу наступил и ну извиняться. Народ кругом благочинный стоит, служба идёт, а он со своими извинениями. И ведь не возьмёшь за шиворот, не вытолкаешь, самого после осудят, не разобравшись. Ни к людям почтения, ни к Господу. Церковного обхождения не знают, порядка не соблюдают. Ох, как бы чего не вышло. Добра не будет. Ждать не приходится. Зябко, ох и зябко нынче.

(Цитує.) «Холодні зори в то время, как наземь Борей упадает.»...Самовар застыл. Афанасий запропал. На неделе я его за провинности отчитывал, ведь он глядел с такой злобой, точно убить хотел. С него станется. Глазом не моргнёт. Даром, что лентяй, а силища – то силища – неизмеримая. Гвоздь из оконницы третьего дня пальцами вытащил. А как ходит, так топает, - стены дрожат, точно бык. Такому, небось, убить – что высморкаться. Плюралис – сингуларис...

...осетрина в том году была дешевле... да мне её без надобности... пускай её высокие чины едят. Нам и судачок на коровьем масле подходит. Кабы ещё Афанасий, мерзавец, не пересушивал. А то ведь иногда – сухари сухарями, а не рыба. И вот тебе несварение. Уже готово. Изжога... На аптекаря траться, на лекаря траться. Припишут ехать на воды. И пошло-поехало. Просто прекрасно. С кем же оставить гимназии? Порядок держится на последнем издыхании. Про языки древние говорить не приходится вовсе. Они-то и свой изломают неслыханно. Эх, антропос, антропос... что ни говори, а наиболее звучнейше произносится. Как не восхититься? Разве сравниваются содержанием и величию ваша философия или хотя бы математика? Ни в коей мере. А между тем, инженера, не знающие как следует языков, приобретают высокие чины, да ещё пользуются уважением прочей публики.

Ещё, думаю, в отношении к вещам всегда человека видно. *(Цитує.) «Все же орудия в доме да будут в исправности полной...»* Вот взять, к примеру, меня. Во всём – порядок, чистота, благопристойность. Всякой вещи – своё место должно быть. Часы - в кармане. И не просто в кармане, а в соответствующем футляре. Потому, ежели не в футляре, – царапаются, масляться, пачкаются. Да мало ли что ещё.

Где ж это Афанасий? Может опять в дворницкой сивуху потягивает? И ещё заприметил я, за соседской кухаркой стал увиваться. Ох, как бы чего не вышло. Он, конечно, человек вольный. Крепостного права нет теперь. Однако, и переменять прислугу я не намерен. Поучить, поучить разве, для острастки.

Акт 2

Учительская квартира Коваленко. Обстановка в украинском стиле – с иконами, сундуками, рушниками, салфетками, ткаными вручную половиками и прочее.

Варенька:...Ой сміху, ой сміху, як вони на отих паличках скакали, замість коників. Ха-ха-ха, ха-ха-ха...

...У річці вода тепла, мов у кориті, що підігріта. Сонечко блиська ув очі. А на поверхні вода така гладенька, хоч облизуй. Гойдалися з дівчатами на вербиних вітах. Тоді повиходимо і – зовсім же поруч – зайдемо на веранду до бабці. А вода з кос тече. Бабуня тільки руками сплесне. І ну сміятися. І ми з нею сміємося.

...Латаття по всіх кутках порозвішуємо і у мавок граємося. Хто з хлопців невчасно заскочить, а ми і нумо лоскотати. Спочатку до сміху, а тоді – аж до плачу. Отоді бабуня гнівалися. Стаємо під образи і молимося, молимося. До жаху, тоді – до спокою. Тоді – пізно-пізно – полягаємо на лежанці і позасинаємо... І спимо, що тобі янголи.

...Зимою – в місті - гімназія. Папенька, бувало, суворо дивиться. Оцінки питає, дозволить себе у шоку поцілувати. Стоїмо перед ним – струнко. А смішно – ужас. Ха-ха-ха. Але навіть анітрішечки посміхнутися не можна.

Після церкви в неділю грошика дасть. Срібного. Та й то – не в руки, а гувернантці, Анастасії Павлівні. Тоді ми з братом морозиво їмо на прогулянці. В кофейні. Брат Мінюшка ніжками бовтає, а я наминаю за обидві щокі. Анастасія Павлівна сидять чинно та роблять нам зауваження, и на Ви кличуть. Смішно – ужас.

А мамочка – зовсім інша справа – ха-ха-ха - чисто пустунка. Ужас, ужас... Все якісь-то забавки. Все б їй співати. Та на роялю майстриня грать. І танцюристка. Все, що хочете – гопачка, вальс, катильон. Нас із братом навчала. Та тільки у нас так не виходило. Ха-ха-ха. Мінчику нашому ведмідь на вухо наступив. Ха-ха-ха. Ведмідь косолапий. Ха-ха-ха.

Все життя сваримося, а один без одного не можем. І таке буває... Я уже після гімназії була, а Мінчик поїхав до Петербурга, далі вчитися, в університеті. Папенька наш померли. І ми з мамочкой переїхали до хутора. До бабці.

А тоді і бабця померли. На саму Покрову. Сніжок пролітав. В садочку на квітах - іній. Тихо-тихо. Тільки Сірко скиглить. Та ми з мамочкой плачемо. *(Плаче.)*

Тоді мамочка захворали. І покликали ми лікаря з містечка. І от приїхав лікар. Ой, і тепер мурашки шкірою чимчикують. Зайшов на ганок. Дивлюсь я на нього, а він такий гарний, такий... Просто страх. Ужас, який хороший. Очі йому такі сині-сині, як намальовані. І кучері русяві. Чистий тобі янгол. Він мені спочатку старшим вдався, бо з вусами та з борідкою. А йому насправді років з двадцять п'ять. Чи двадцять сім усього. А розумний же, розумний та вчений. Боже ж мій боже. Мабуть також в Петербурзі навчався.

Входить и говорить, суворо так: «где у вас руки помыть можно?» А я стою, ні жива, ні мертва. Стою, дивлюся, мовчу, нічого не чую. Добре, Мотря у нас в домі, робітниця, провела його и все йому подала. Тоді до мамочки його провела. А я все стою, мов зачарована. А коли опом'яталась, підвела очі на образи, дивлюсь, а у Христа очі – сині-сині и кучері навколо обличчя. Тоді замружилася сильно-сильно – і ділося.

Двічі ще приїздив до нас той дохтур. Потім мамочка одужали, і не бачила я більше його. Тільки уві сні і тепер сниться іноді.

А наступного року Мінчик на канікули приїхав з приятелем. Сходив до бабуні на могилку, поплакав. Мамочка борщу зварили. Ой і борщ же ж мамочка варить. І бурячка, і капустачки, і картошечки, і морквочки, і квасолечки, і синеньких туди. Та такий добрий та наваристий, ужас. Уже було їси-їси, трохи не луснеш, а ще хочеться. От посідали ми за стіл, і стала я придивлятися потроху до Михайликового приятеля. І він, дивлюсь, зиркає на мене крізь окуляри. І мовчить. Тільки матусі борщ нахвалює. А до мене - анічирк.

А сам поважний такий, правильний. Все губи хусточкою витирає. А хліб – нема, щоб відкусить – в тарілочку покладе і маленькими кусманчиками відламує. Та так уже ж чемненько – ані крихточки ніде. Ужас. Ха-ха-ха. А уста червоні такі і – бантичком, сердечком складені. Волосся – чорне, аж смоляне. А очі – от напасть – сині-сині. От пообідали ми. По садку нагулялись. Ну, як ведеться, з Мішенькою посварились разів з п'ять. А цей, товариш Мішенькін, Миколою Єфремовичем назвався, - важно так походжає, зломить гілочку и помахує нею. И мовчить, все мовчить. И зиркає на мене. Ужас як смішно. Ха-ха-ха.

Увечорі - прохолодно стало. В залу пішли. А ми з міста рояль привезли. Так мамочка грати стала, а я співаю. Я ужас як співати люблю. Романси. Так все співала б та співала. Ужас. Ха-ха-ха. Ужас. Бачу, а Микола Єфремович уже не зиркає, уже не відриваючись так дивиться на мене. І подобається йому, як я співаю. Зарум'янивсь, і очка палають. Навіть окуляри зняв! Ха-ха-ха. А після танцювали ми з ним. Гарно у нього вальс виходив. І полечка. А гопачка не вміють. Не знають нашого гопачка.

Ох, і цілувалися ж ми з ним, усі ніченьки, скільки їх було, як він у нас гостював. І скільки він розказував. Боже ж мій боже, скільки він усього всячини знав. Про все, про все. Я в гімназії стільки не знала, скільки від нього.

Не знаю, коли він і спав. Бо зранку з Мінчиком, бува, кудись підуть, а коли прийдуть, він зачиниться у себе в кімнаті і все щось пише, пише. Питаю: Миколочку, а що то ти пишеш? Він розсміється: «любопытной Варваре вчера на базаре нос оторвали!» – і нумо ще дужче цілувати. Подобалось йому, як я його Миколочкою називала. Казав: «никто в жизни так ласково не звал меня, даже матушка». Отак.

Каталися. То на конях, то на велосипедах. Кіньми – на луки, велосипедами – в ліс. Квіти збираємо. Тоді суниці пішли. Тоді – гриби. Багато назбираємо. Привеземо додому – мамочка юшки наварить. Та такої запашної – на всю хату тією юшкою пахне.

А більше – на річці пропадали. Посідаєм у човничок, впливем на середину, тоді вісельця повиймаємо, покладемо на дінце. І – куди вода понесе...

Пропав мій Миколайчик. В Сибіру, на каторзі. Це він у нас проти царя писав. Пропав ні за цапову душу. Того ж року-таки і забрали його. В тому їхньому Петербурзі, в тому їхньому університеті. Пропала доля моя. Все моє дівування. *(Плаче.)*

А Мінчик наш - нічого. Вивчився та учителювать став. А я тепер - при ньому. А куди ж мені подітися? Книжки читаємо. Сперечаємося, ох і сперечаємося. От, хіба ще на велосипеді в хороший літний день проїхатися. Або заспівати під рояль. Гітара ще є. Можна – під гітару. Карти розкинемо, в дурня. Пасьянс там якийсь. От і вся втіха моя. Містечко занедбане. Здається, менше за хутір наш, хоч, насправді, і велике. У церковках все. І річки - зовсім ніякої. Каміння і пісок. Скучно-нудно. Хоч топися. Знов же ж – річки нема. Ужас. Ха-ха-ха.

Навіщо вже мені те заміжжя? А ці тітоньки місцеві все торохкотять, все торохкотять. Бабуся дуже любили співать «Ні, мамо, не можна нелюба любить...»

Так, чимось той пан Беліков на нашого папеньку схожий. Ужас. Ха-ха-ха. Хочеться інколи стати струнко! Ха-ха-ха. Але ж папеньки страшно було. Неначе в ньому була якась сила громова. Голос такий гучний та сильний. Ужас, який голос сильний та гучний. І сам – могутній такий, як дуб. А у пана Белікова іноді і слів усих не розбереш. Наче з учорашнього дня не їв нічого. Треба його на борщ запросить. З пампушками. Завтра ж таки напечу пампушок та наварю борщу.

І все якось жалько його. Аж сум бере. Чи хто його зобидив, чи хто ще якось скривдив? Ужас. Чи з дитинства переляканий? Ха-ха-ха. «Как бы чего не вышло!» Напевне, що з дитинства. Ха-ха-ха.

(Відсміявшись.) А так він чемний, привітний. Посміхається. Так чудно балакає на тій грецькій мові. Підемо прогулятися, грецькі вірши мені читає. І все виказує, що я грецької не навчена. Та не викладали нам грецької в гімназії! То хіба ж я винна?! Та і навіщо вона мені? Авже ж в Грецію я не поїду. Ха-ха-ха. Що б це я там мала робити? Чи, може, там груші кращі, чи дині, за наші груші та дині? Ой, не думаю, не думаю. Ха-ха-ха. І в гречку з таким не вскочиш. Бо це не циркулярно. Ха-ха-ха. Ха-ха-ха. Ох. Аж щокам боляче.

(Сумно-сумно.) Краще б Михайлика направили до нашого повіту вчителювать.

А ще пан Беліков охайний дуже. Тільки, хто б мені сказав, як йому не жарко в тому його пальті, як на вулиці спека така стоїть? Просто дихать немає чим. А він ще комір підійма. І йде. І завжди - з парасолькою. Ужас. Ха-ха-ха. Уявляю собі. Отак вийдеш заміж за такого – примусить ходити в пальті та з парасолькою. Уявляю собі. От виходимо ми на вулицю. Сім'я Белікових. Пан Беліков з парасолькою та в пальті, пані Белікова з парасолькою та в пальті, паненята Белікови в пальтечках та з парасольками. Ха-ха-ха. Ужас. Ой, не можу, рятуйте, помру. Ха-ха-ха. *(Витирає сльози від сміху.)* Фу, ужас який.

...Ні, всеж-таки жаль його. Такий худий – аж синій. Здається і кісточки йому торохкотять, як іде. От би його на хутір до нас! Уже ж мамочка його відгодувал б. Вона до цього особливо спритна. Ще більше, як до танців. Тут тобі і галушки, тут тобі і варенички. І ватрушечки, і пампушечки. Ще й слив'яночки налиють, моя душечка.

Михайлику він досадний. Бачу, що Михайлик не любить його. А ще бачу – інші чомусь його бояться. Заходить – і всі одразу смирніють, наче гімназисти. І починають пошепки балакати. Ужас. Це чом же так? Ніяк не второпаю. Ужас.

А ще весь час хочеться здерти з нього ті окуляри. Цікаво, які в нього очі? А що, як вони у нього сіні-сині?.. Чи могла б я тоді покохати його, такого? За сині очі? Хто зна, хто зна... В отих одвічних калошах. Ха-ха-ха. Ужас.

Ну, навіщо йому ті окуляри?! У Миколки так само були окуляри, але – прозорі. Кризь них і очі було видно...

І завжди прозиває мене «Варвара Саввична». Господи, як прокурор на допиті! Так тихо, наче лагідно... наче якомсь... здається, наче підступно якомсь. Наче змій круг серця повзе... Тьху! Що це я верзу?! Людині, може, якісь почуття прокинулися. Може, вперше в житті! Ха-ха-ха. «Ой, під вишнею, під черешнею, стояв старий з молодою...» Ха-ха-ха. Ех, із молодою... З молодою. Що то колись була. А чи я думала б оце про нього? Чи згадувала б молодою? Та я б молодою йому в очі розсміялася! А може й плюнула б межі очі.

Міньчик каже: «глитай або ж павук». Ой, Міньчику, ой братику, де мої молоді роки поділися? Куди закотилися? *(Плаче.)*

Акт 3

Комната Беликова. Он снова один, вид его немного всклокочен. Временами по лицу блуждает переменчивая улыбка.

Беликов:...Женщиной быть... не приведи Господь. Ужимки, украшения, шляпки, тесёмочки, оборочки,... тьфу, да и только. Уму негде взяться. Сплетни, шушуканья, слёзы и хохотанья не к месту... Прикидываются... все до одной прикидываются. Ах, ох, и – в обморок. ... Глазки стреляют, бегают. А краснеть и бледнеть их, должно быть, в пансионе научают. Истерикам ещё... А в суевериях как грешны... Моя бы воля, - всех суеверных сверх меры особ – на вечное моление по монастырям растолкал бы. Всех модисток – в вечную каторгу. За участие в машкерадах и других зрелищах – сечь немилосердно. Вот маменька, бывало, примется отчитывать сестрицу... или же поучать, а той – и горя мало. Ушла в спальню, поплакала,... глядишь – уж цветочки в саду собирает или за бабочкой погналась. Правда, в отличие от меня, её не секли никогда и на горох в угол не ставили. В виду болезненности. А вскорости и померла она... А я вот живу. И на хорошем счету, между прочим. Пусть некоторые особы зарубят себе на своём курносом малороссийском носу... Однако, я думал, чёрные глаза бывают только у одних цыган... да у мадьяр. А тут такие чернушие – ой-ой... И потом, разве можно так оглушительно смеяться? Хотя, должен признаться, смех звонкий, заразительный и весьма приятный на слух. Но, боюсь, ни одно начальство не одобрило бы такого смеха в общественном месте. Одно успокаивает – уж больно язык ихний милозвучный, даже этой своей милозвучностью на греческий походит. *(Поднимает палец вверх.)* «...Переход начальной сигмы перед гласными в густое придыхание...» Но и кумедный не в меру. Может, оттого они и хохотушки такие? А как я похвалил госпожу Коваленко за пение, у неё уж сразу в эмоциях и слёзки на глазках блеснули. Должно быть, эти хохлушки и вовсе другого не знают, как только плакать и смеяться. Вишь вот и на портрете смеётся. Хороша. Несказанно хороша. У нас в гимназиях такой нет – это уж точно. Да и в городе поискать. Только - совершенно никуда не годится, что со всех сторон мне теперь лезут в уши с этой женитьбой. К примеру, вчера был у Буркина, и он все разговоры на эту самую тему сворачивал. Хотя, нет, не он сам, а жена его с тещей. *(Цитирует из Гесиода.)* «**Истая язва – сосед нехороший; хороший – находка**». Лично я ничего, господа хорошие, против женитьбы не имею. Однако это же не делается так вот сразу. Это – шаг ответственный, ответственного отношения к себе требует. Оно, конечно, мадемуазель Варенька из хорошей семьи. И приданое определённое имеется, хуторок там и всё такое. Но разве же можно так сразу? Надо распознать друг дружку. И никакое начальство,

доложу я вам, скороспелого брака не одобрит. Нет. И греческого она не знает. (*Поднимает палец вверх, со значением.*) «Элизия обозначается апострофом...» А на пианинах брэнчать всякий может. Сойдёмся ли мы в характерах? Братец-то на меня волком глядит. Даром, что коллега. История с географией. И всё кричат друг на дружку, всё кричат, спорят. Эдак она и со мной спорить станет. Как бы чего не вышло. ...Пора ставни закрыть, а то луна в окошко светит, а ну голова к завтраму разболится... И как бы ветер не разыгрался...

А братец, Михайло Савич, хоро-о-ош - в церковь придёт – и сопит. Громко так сопит. А после на коленки упадёт и лбом стучит. Это зачем же в церкви сопеть и лбом стучать, я вас спрашиваю? В церкви надо вести себя чинно, спокойно и никак не шуметь. А после службы - вышел и милостыню подал. Ну, это ладно, это никому не возбраняется – милостыню подавать. (*Цитирует.*) **«Жертвы бессмертным богам приноси сообразно достатку...»** Так ведь он ещё этого полуголового, грязного нищего мальчишку прижал к себе и в лоб поцеловал. Это ни на что не похоже. Так можно любую заразу подцепить. А ещё сын статского советника. Как можно? Как можно? Изумительно. Так вот женишься сторяча, а потом ещё в какую-нибудь историю угодишь. Боже упаси. Боже упаси. (*Мелко крестится.*) А как идём по улице, Варвара-то Саввична не очень смущена. Хотя, говорит мало и не смеётся, а только улыбается. Об чём, интересно, она таком думает, пока на прогулки со мной выходит? Представляется мне, что хочется ей замуж, ох, как хочется. Возраст-то уже – того-с – извольте-позвольте. А тут я – возьми и подвернись. Не-е-ет. Это вам не фунт изюму, это хорошенько обмозговать требуется. ...Афанасий снова масло прогорклое купил. Болван эдакий. Надо на лавочника куда следует пожаловаться, что он добрых людей травит порченной пищей. Безобразие это. И всё с рук сходит. Вот ведь анафема. ...Она, видать, готовить хорошо обучена. Так аппетитно про борщ пересказывала. Эх, красненькие-синенькие... Очень они любят слово «ужас». Это – тоже нехорошо. Так и накликать можно.

...Бывало, маменька чай заварит... липовый. После бани всегда. Вот где райское-то наслаждение. А варений у нас было и было. Из всех возможных ягод. Из райских ещё яблочек. И ещё это диковинное – из айвы. Просто червонное золото на вид, да и только. Что-то я не в меру расчувствовался. Эх, маменька, маменька... (*Промокает слезу носовиком.*) Вот ведь, даром, что строга была, можно даже сказать – сурова, а ведь – справедлива. Хоть и меня взять, я её сын. Разве дурного воспитания, я вас спрашиваю? Богобоязнен – истинно, законопослушен – извольте, благонамерен, воспитан, наукам обучен. Не хочу хвалиться. Однако ж. Правду не спрячешь. Вот так вот, госпожа Коваленко, Варвара Саввична. ...и ямочки на щеках – первый признак грешной натуры. Ох, как бы чего не вышло. Как бы чего не вышло. После не расхлебашь. Вона как на меня Гесиод нахлынул. (*Цитирует.*) **«Лучше хорошей жены ничего не бывает на свете, Но ничего не бывает ужасней жены нехорошей...»** Ну, полно, полно. Так до горячки недолго. Что за сумасшествие?

Акт 4

Квартира Коваленко. Вечереет, в окно виден кроваво-красный закат.

Варенька: Чи то правду люди кажуть, що помирає? Пан Беліков. Це якось так жахливо. Колись і я помру. Тьху. Що це я верзу?! Може ще обійдеться? Може брешуть люди? Просто – людина захворіла. Допомогти треба. Лікаря треба. До мамочки викликали, вона й одужала. Ще й досі. І не хворіє. Слава богу.

Боже, що я верзу? І хто я йому? Нехай близькі про нього й піклуються.

Сті-но. Які близькі? Він же сам-один. Може, нема кому і їсти наварить. Та ні. У нього там якийсь служка є. Служка. Хіба служка нормального борщу зварить? Я вже мамочкиного борщу, навіть, і не згадую. Де там. То наварити і передати. А ким? Михайлик – точно не піде.

Щось він взагалі мовчить останнім часом. Мінчик мій. І про що вони розмовляли з паном Беліковим того дня, як він по сходах мені під ноги зкотився? Та так кумедно, що просто ужас. Ха-ха-ха.

А! Може то він забився тоді? Щось всередині. Пошкодилося. У-у-у-жас.

...А чи не Михась наш його штурнув?

Ні. Михась тільки крикнути може. Ні. Він на людину ніколи руки не підніме. Ніколи. На людину. Та він мухи не зобидить. Ні-ні. Мій Михасичок, мій братичок рідненький. Ні-ні-ні.

...Я була маленька, а ти був такеньким кульочком. У пелюшках. Личко червоне. Почнеш кричати, а я колишу, колишу. Щоб мамочка не почули. Так добре було удвох. Я ж на тебе надивитися не могла. Це ж треба – жива лялька! Нянечка в нас старенька була. Піде в кухню і засне там у куточку на стільці. А я тебе вмовляю-вмовляю. Так і позасинаємо обидва.

Мамочка все дивувалися. Шуткували: і що воно таке - так вони приклеїлися одне до одного, може рідні? І сміялися...

У-у-уме-е-ер. Пан Беліков. Умер. Ой, лишенько.

Акт 5

Комната Беликова. В комнате – полумрак, горит свеча, пламя её колышется сквозняком, по стене бегают тени. За окном завывает ветер. Г-н Беликов – в горячечном бреду.

Беликов:...Бедная, бедная маменька. Как она страдает на небесах, видя сие безобразие. Видя сей позор. Возможно ли? Господи, Господи, что же это? Укройте меня! О, ужас. Что это там?... Зелёное, бесноватое... пауки, что ли? Ящерики?

...История с географией...

«Помимо абсолютного генитива существуют абсолютные датив и аккузатив...»

... Влюблённый антропос... выходит, участь моя решена? Я же ещё и посмешище. Они... Все они... всё они без меня решили. Выходит, и она тоже? И смеялась. Смеялась. Ах, какие ямочки на щеках! Румянец играет. Даром, что в девках засиделась. И смешочки, как звоночки. А я – паяц. К вашему удовольствию. К вашему, к вашему удовольствию.

...Я к ним ходил. К ним, ко всем, к товарищам. Насмеялись... А то чай пили, газеты читали, новости... Вот это новость! «Влюблённый антропос!» должно, и губернатор читал. Ах, горе-беда, горе-беда... где быть моему прибежищу? Где правду сыскать? Кто её сторож и поборник? Где справедливость твоя, Господи? Спаси души падшие!

...Вот тебе и вышло... А погибать-то мне...они-то все останутся. Без меня. Без истины. Без порядка...

Господи, Господи, срам-то какой...

...Ваше сиятельство, обратите внимание. Должно бы пресечь. Как бы чего не вышло... Пресечь немедленно, чтоб другим неповадно... Всё эти малороссы.

...Хохотушка, хохотушка. Ямочки на щеках.

...Хутор с борщом... то ли борщ на хуторе...

«Слог, образованный дифтонгом, всегда долог...»

...Колёса крутятся... Башмачки, юбки... юбки... Ямочки, ямочки... яма. Черно и дна нет. И – стужа, стужа...

Кто приходил? Топ-топ. Сапожищи. А может – лошадь? Копыта? Обман. Всюду обман. За всеми не уследишь. Вот и вышло... Вот тебе и вышло. Что в инспекции скажут? А городской? И эти дамочки из общества пособия... или как его там...

...Сестрица тихо так померла... И читали тихо, и плакали тихо, и опускали тихо... А из гробика – «тук-тук», будто воробышек в стекло, – тук-тук... Никто не слышал, я один... Я слышал. Я всегда всё слышу. И не солгал, в жизни не солгал. Правду, правду говорю! Что, господа, правда не по нраву? Она такая... дама, горькая, норовистая. Дама. Дамочка. Хохлушечка. Милочка, малороссияночка... Хохоchet, хохоchet... Ямочки на щеках.

Братец-то... Даром, что учитель. А – без галстука... И дома – тоже... и бранятся, и в карты играют. Книжки связками носят. А греческого никто не знает. А не будь меня, кто их обучит греческому? Как это – не будь меня? Вот он я, здесь.

...Холодно, холодно. Дует изо всех щелей. Укройте меня! Хоть кто. Хоть кто-то! Эй, кто-нибудь! Укройте меня!

...в минутном порыве. Увлёкся. Виноват, виноват, ваше сиятельство... Я – тот самый «влюблённый антропос». Хе-хе-хе-с... Насмешник всё верно изложил. Только грубо, очень грубо-с... бессердечно. Безбожно...

...А вдруг на дороге камешек? Случится упасть, так ведь и позору не оберёшься, и шею свернуть недолго...

Господи, Господи,... помилуй мя, грешного...

«...Красис... йота второго... прописной...»

«Склонение артикля необходимо заучить наизусть!».

Ступеньки даром, что годами обтёсаны, а больно зашибли... больно. А она – смеяться. Нешто так по-человечески? Больно. Нет таких правил, чтоб над человеком пострадавшим потешаться. Человеку помочь, посочувствовать... ..Смех, смех... юбки, юбки... Голова кружится. Господи, вся комната ходуном пошла.

...Нет, нет, ваше благородие, трезвый я, не пил, не пил. Я вовсе не пью... простите Христа ради.

«Парокситона...»

Красивые... Руки – в боки. Потеха, потеха... Ох, как громко смеются. Зачем так громко? Гром, гром... суета. Уберите, уберите прочь. Господи, как болит голова.

...Что они все вопросы задают? Будто на уроке. Может это – которые с инспекцией? Прознали о моей болезниПрознали о сраме моём. Пришли уничтожить. Лишить всего. Неужто у них есть другой... который... греческому обучать?...

...Бедная, бедная маменька. А все говорили: богатая. Мне, как маленькому, - орешки, да яблочки в меду... до самой смерти...

Что же это шум такой? Что же это я их так боюсь? Уже убили. За что? Осудили и замучили. Прими, Господи, безвинно убиенного в борьбе за устои духовныя. В праздности и потехах пустых замечен не был. Все посты...

Это день теперь или ночь? Сколько я умирал? И сколько мне ещё?...

А эти... они ведь мне завидовали. Дочь статского советника, хуторок-с. На старости лет учить грамоте пчёл. Они без греческого мёду не дают... Господи, прости... Господи, прости...

Крамола. Виноват, ваше высокородие, шутил-с. Так ведь, как и все. Полон город шутников. Один шутник меня с лестницы турнул... смеху-то, смеху... особенно барышням...

...укройте меня, укройте... мне страшно... или холодно? Нет, нет... не знаю. Не всё ли равно, укройте. Где Афанасий? Тулупом хвастался. Должно быть, под ним темно. И задохнуться можно. А мы – тук-тук, тук-тук – дырочку провертим. Никто не достанет, никто не посмеет.

...Меня нет. Ни для кого.

Нет, нет. Не хочу!

...Укрыться, укрыться, чтобы никто, никто... вовсе никто...

...Никогда...

Акт 6

Картира Коваленко. Вечер, темно, у икони горит лампадка. Нескільки свечей – в подсвечниці на роялі. По кімнаті розбросані речі – схоже, що збираються к отъезду.

Варенька:...Їдьмо, Мінчику, їдьмо, братику! Чимшвидше, чимдуж. Їдьмо до нашого повіту, до нашого хутора, до нашої мамочки! Господи. Нема чим дихать в цьому краї. І нудно, і тісно, і бридко. Так бридко, наче звалтовано. Нікому ані сльозинки в очах! Людоньки. Та яка вона не була, то ж – людина. То ж – померла. То ж – пробачте їй. Пан Беліков. Ні ймення йому, ні по-батькові. Закопали, як собаку. Хоч і батюшка читав. І натовп такий зійшовся, як на майдан... А на поминках мало не співали! А наступного дня людину викреслили і пішли жити далі. Це отут з усіма так? Люди. Де ви? Де бог ваш?

...Їдьмо, братику, їдьмо, Михасику. Чимшвидше, чимдуж...

...А може воно і - на краще?

...А чим я краща від них? Насміялася. Сама ж з нього насміялася.

Боже, і я не жалкую за ним. Анітрішечки. Тепер ніхто не примусить мене йти за нього. Ой, вільна я, вільна, мов у полі вітер, мов у лузі калина, мов пташка на вітах...

Додому, до... дому... Пробачте, пане Беліков. Пробачте, люди добрії. Чи не добрії, все одно – пробачте.

Їдьмо, Михайлику, їдьмо, братику. Чимшвидше, чимдуж...

2015